

Огласив улицу победным кличем, молодой господин Жун так и застыл в предвкушении, ожидая, когда Лю Чжэньцин сгорит от стыда и бессильной злости.

Стоявшая рядом Цзян Цзыэр лишь ожгла его холодным взглядом.

Лю Чжэньцин же недоуменно захлопал ресницами:

— Простите, а вы кто такие? И зачем дорогу загородили?

Атмосфера торжествующей расправы мгновенно рассеялась.

Жун Шимин презрительно фыркнул:

— Ах да, совсем забыл. После того как тебя сцапали разбойники, у нашего драгоценного господина начисто отшибло память.

— Выходит, до похищения мы были знакомы? — с неизменным благодушием отозвался Лю Чжэньцин. — Какая неловкость. Прошу простить мою забывчивость.

— Раз понимаешь, что виноват, — самодовольно протянул Жун Шимин, — изволь принести глубочайшие извинения.

Лю Чжэньцин лишь улыбнулся в ответ:

— Не торопите события. Кто знает, вдруг я всё вспомню? В последнее время память возвращается ко мне урывками. Может, любезно представитесь? Заодно напомните, где именно мы встречались, когда и при каких обстоятельствах?

— Да мы... — начал было Жун Шимин, но девица Цзян Цзыэр резко дернула его за рукав. Оглянувшись на спутницу, он осёкся: лицо девушки позеленело от ярости.

До Жун Шимины наконец дошло: лично они с этим недоумком никогда не встречались. Единственная очная ставка произошла между Лю Сяочжу и Цзян Цзыэр — и не где-нибудь, а на месте прелюбодеяния! Как о таком расскажешь прилюдно? Сболтнешь лишнего — и позору не оборешься...

Жун Шимин уставился на Лю Чжэньцина. Тот улыбался так лучезарно и невинно, что у молодого господина Жуна под ложечкой засосало от дурного предчувствия. «Неужели этот дурак сделал это нарочно?» — промелькнуло в голове.

— Что же вы? — подлил масла в огонь Лю Чжэньцин. — Возникли какие-то трудности? Мы ведь

старые друзья. Помочь обретшему беспамятство вернуть воспоминания — дело благородное. Вы ведь не откажете ближнему в милосердии?

Жун Шимину не оставалось ничего другого, кроме как на ходу сочинить какую-нибудь небылицу. Но едва он открыл рот, как Лю Чжэньцин повернулся к своему слуге:

— Цзиньли, а это кто? Мы ведь с тобой всегда вместе, шагу друг без друга не ступаем. Если я их знаю, то и ты должен помнить.

Цзиньли прекрасно знал обоих. Видя, как нагло господин Жун измывается над его хозяином, парень мелко дрожал от ярости. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы ответить, но Жун Шимин поспешно выкрикнул:

— Официально мы не знакомились! Но я своими глазами видел, как ты донимал...

Закончить он не успел. Лицо Лю Чжэньцина мгновенно посуровело, и он грозно оборвал его:

— Вот оно что! Даже не знакомы, а лезете с какими-то глупостями про «случайную встречу» да извинений требуете! Да сколько можно? Опять очередной проходимец! Проведали, что я из придворного купеческого рода Лю, и решили нажиться на моей потере памяти? А ну проваливайте! Денег не дам!

С этими словами он покрепче прижал к себе кошель и замахал руками, точно отгонял назойливых бродячих собак. Собравшиеся вокруг зеваки так и ахнули от столь неожиданного поворота. Половина толпы тут же уставилась на господина Жуна со смесью подозрения и брезгливости — далеко не все знали его в лицо, большинство просто глазело на уличную сцену ради потехи.

У Жуна от ярости кровь хлынула к лицу. Он сжал кулаки так, что побелели костяшки:

— Да как ты смеешь... Какую чушь ты несешь?! Моя кузина — Великая принцесса! Стану я мараться ради твоих жалких грошей...

Цзиньли, решив, что хозяин и впрямь ничего не помнит, и не подозревая, какую коварную игру тот затеял, торопливо прошептал ему на ухо:

— Господин, это молодой господин Жун Шимин, двоюродный брат Великой принцессы.

— Ого, — протянул Лю Чжэньцин с притворным удивлением. — Твоя кузина — Великая принцесса? Прелестно. Только при чем тут ты? Что же ты собственных родителей не помянешь? Или тебя тоже Ее Высочество на своем содержании держит и карманные деньги выплачивает?

В толпе слышались сдавленные смешки. Родство это хоть и было общеизвестным, но на деле выглядело довольно жалко: все семейство господина Жуна давно превратилось в обыкновенных прихлебателей, живущих за счет милости принцессы. Стоило убрать из разговора титул кузины — и хвастаться Жун Шимину становилось решительно нечем.

Жун Шимин едва не задохнулся от злости. Он порывался было козырнуть своими торговыми делами, да только дела те велись втайне и огласки не терпели. Не найдя достойного ответа, он уже замахнулся для удара, но Цзян Цзыэр перехватила его руку.

Смерив обидчика ледяным взглядом, она процедила:

— Молодой господин Лю, выбирайте выражения. Великая принцесса — не та особа, чье имя вы имеете право трепать на перекрестках.

Лю Чжэньцин наконец удостоил девицу Цзян прямым взглядом. Что ж, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Ловко же она перевела стрелки, пытаясь выставить его святотатцем. Лю Чжэньцин, конечно, всегда питал слабость к прекрасным дамам, но перед ним была отнюдь не драгоценная яшма, а невзрачный булыжник с гнильцой. Церемониться с ней он не собирался.

— А вы, сударыня, будете кем?

— Цзян Цзыэр, дочь помощника министра ритуалов, — высокомерно вздернула подбородок девушка.

Лицо Лю Чжэньцина озарилось притворным восторгом:

— Ах! Так вы и есть та самая девица Цзян!

Он бесцеремонно оглядел её с ног до головы. В этом жесте сквозила откровенная издёвка, и Цзян Цзыэр вспыхнула:

— Что вы себе позволяете?! Куда вы смотрите?!

— Да так, просто подумал... — Лю Чжэньцин притворно вздохнул. — До чего же правильным решением было расторгнуть нашу помолвку. Истинное благословение небес.

— Ты!.. — задохнулась от возмущения девица.

Его слова били наотмашь. Некогда утонченное лицо Цзян Цзыэр уродливо исказилось от злости.

Жун Шимин тут же ринулся на защиту:

— Какое убожество! Нападать на беззащитную девушку — позор для любого мужчины! Бесстыжий, трусливый негодяй!

Толпа неодобрительно загудела. Многим показалось, что молодой купец зашел слишком далеко, и благородные поборники уличной справедливости принялись вслух порицать его поведение.

— Ой, — Лю Чжэньцин испуганно прижал ладонь к груди. — Отчего же вы так разгневались? Я ведь высказал это исключительно из лучших побуждений! Посудите сами: не успели мы разорвать помолвку, как вы двое уже всюду ходите рука об руку. Разве я не сотворил благое дело, освободив дорогу для столь прекрасного союза? Или я в чём-то ошибся?

Шум в толпе мгновенно стих. Взоры прохожих, устремленные на «невинную жертву» и её защитника, сделались весьма двусмысленными.

Осознав, в какую ловушку угодила, Цзян Цзыэр густо покраснела. Позабыв о девичьей скромности, она выкрикнула:

— Молодой господин Лю, мало того что вы расторгли помолвку, так ещё и смеете меня так клеветать! Мы с господином Жуном всего лишь случайно встретились.

Нравы в Великой Чжоу действительно были свободными, и подобные прогулки не считались чем-то предосудительным. Оправдание звучало вполне убедительно, но Лю Чжэньцин не для того затевал эту словесную дуэль, чтобы дать сопернице ускользнуть. Яма была вырыта, оставалось лишь подтолкнуть жертву.

— Неужто я ошибся? — притворно покаялся Лю Чжэньцин. — Простите покорно бедолагу с отшибленной памятью. Просто до меня доходили слухи, будто наша помолвка длилась несколько лет. Мы жили в одной столице, но ни разу не виделись. Всякий раз, стоило мне предложить встречу, вы отвергали меня под предлогом строгого соблюдения приличий. Я-то грешным делом думал, что вы истинная затворница, шагу за порог не ступающая. А тут вижу — вы преспокойно разгуливаете под ручку с господином Жуном. Вот и решил, что у вас всё слажено да к свадьбе идет...

Лю Чжэньцин виртуозно мешал правду с ложью, источая яд под личиной крайнего простодушия. Миловидное, благородное лицо делало его оправдания убийственно убедительными. Цзян Цзыэр трясло от бешенства, в глазах закипали слезы — должно быть, до глубины души растрогалась его «искренними пожеланиями».

Ну а зевакам, у которых в головах водилось хоть немного серого вещества, всё сразу стало ясно без лишних слов.

— Лю Сяочжу! — выплюнул Жун Шимин, смекнув, куда дует ветер. — Чья бы корова мычала! Весь город знает, какой ты бесстыдник! Будучи обрученным, ты волочился за генералом Хо и проходу ему не давал! Думаешь, прикинулся дурачком с амнезией — и все твои мерзости забыты?! И не смей марать доброе имя девицы Цзян своими грязными намеками!

Цзян Цзыэр, мгновенно сориентировавшись, тихонько всхлипнула:

— Мало того, что позор от ваших домогательств к постороннему мужчине лег на мои плечи... Я молча сносила эту обиду. Но теперь, когда мы свободны друг от друга, вы продолжаете меня истязать...

— Полноте вам, я ведь просто хотел благословить ваш союз, видит Бог, без капли злого умысла, — Лю Чжэньцин смущенно потер переносицу. — Вы так кричите и плачете, что я совсем растерялся. — Вдруг он хлопнул в ладоши и отвесил девушке церемонный поклон. — Понял! Каюсь, сглупил. Прошу прощения, девица Цзян.

Столь скорая капитуляция заставила парочку растерянно переглянуться. Даже толпа недоуменно притихла.

Цзян Цзыэр украдкой зыркнула на поверженного соперника, силясь разгадать его замысел. Но следующая фраза Лю Чжэньцина заставила ее сердце пропустить удар.

— Всё дело в том, что молодой господин Жун вам не мил, верно? — вкрадчиво проговорил Лю Чжэньцин. — Оттого-то мои поздравления и вызвали у вас столь бурное отторжение, вплоть до слез. Будь ваш союз благословлен небесами, разве сочли бы мои слова за кровную обиду? Похоже, я действительно проявил непростительную бестактность.

Он сокрушенно понурил голову, но успел уловить, как оба его оппонента синхронно задохнулись от возмущения.

— Да как... как вы смеете... — Голос Цзян Цзыэр предательски дрожал.

— Разве я не прав? Значит, господин Жун вам всё же по душе? И едва расторгнув помолвку со мной, вы тотчас нашли утешение в его объятиях? Но коли так, в чём моя неправота? К чему тогда эти слезы?

— Нет... Всё совсем не так! — От волнения девушка напрочь позабыла о необходимости картинно всхлипывать.

— Опять не угадал? Ну конечно! Стало быть, вы и впрямь презираете господина Жуна! — Лю Чжэньцин торжествующе усмехнулся.

Несчастливая девица Цзян лишилась дара речи, окончательно запутавшись в его софистике. Жун

Шимин, чей разум никогда не отличался особой гибкостью, и вовсе впал в ступор, растерянно переводя дикий взгляд с рыдающей спутницы на ухмыляющегося обидчика.

Лю Чжэньцин, за свою прошлую жизнь не проигравший ни одного словесного поединка, сочувственно вздохнул:

— Впрочем, вас можно понять. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. Настолько заурядный мужчина... Было бы странно, увлекись вы им.

— Что ты лопочешь?! — взвился Жун Шимин. Самолюбие молодого барина было уязвлено на глазах у сотен зевак. — Чем это я зауряден?! Каким боком плох?!

Он так яростно бросился доказывать свою состоятельность, что напрочь забыл и про саму суть спора, и про мнимое моральное превосходство.

Лю Чжэньцин мысленно поздравил себя с победой, глядя на этого простофилю.

— А хотя бы тем, что тебе до генерала Хо — как до луны пешком.

Жун Шимин поперхнулся воздухом:

— Да ты спятил! С какой стати мне мериться силами с Хо Фэнле?!

— Отчего же? — Лю Чжэньцин перевел взгляд на побелевшую Цзян Цзыэр. — Разорвав бывшие узы, каждый волен искать долю получше. Я, к примеру, обратил свой взор на прославленного генерала Хо. А вот если девица Цзян решит снизойти до вас... неужто ей не захочется сравнить своего нового избранника с моим?

Логика была хромой на обе ноги, но подсознательно этот довод задел за живое каждого присутствующего.

Извечное правило: «мой новый избранник ни в коем случае не должен уступать новой пассии бывшего». К тому же Лю Чжэньцин — известный любитель мужчин, так что они с Цзян Цзыэр фактически соперничали на одном поле...

— Так вот, любезный, — с довольной ухмылкой подытожил Лю Чжэньцин, — тебе до генерала Хо слишком далеко. И девица Цзян, дабы не сделаться посмешищем в моих глазах, ни за какие коврижки не свяжет с тобой свою судьбу.

Если бы взглядом можно было лишить жизни, Лю Чжэньцин уже раз десять испустил бы дух под бешеным взглядом соперника. Но загнанный в угол Жун Шимин вдруг выдал неожиданную вспышку прозрения.

— Лю Сяочжу, до чего же ты жалок! — расхохотался он, ухватившись за спасительную мысль.
— Мы с девицей Цзян найдем счастье друг с другом! А вот ты... Ну выбрал ты генерала Хо, а он-то на тебя хоть раз взглянул?! Да он и близко тебя не подпустит! Жалкая жаба, возжелавшая отведать лебяжьего мяса! И у тебя еще хватает наглости сравнивать себя со мной?! Смех да и только!

Что ж, слепую зону он нащупал верно, однако при этом умудрился заживо закопать самого себя. Своей горячей тирадой он фактически расписался в том, что между ним и девицей Цзян действительно есть некая предосудительная связь. Лицо несчастной дочери чиновника сделалось белее мела.

Но торжествующий Жун Шимин этого даже не заметил, упиваясь собственной «находчивостью». Он был уверен, что нанёс сокрушительный удар. Вся столица знала: этот сумасшедший Лю Сяочжу в одностороннем порядке преследует Хо Фэнле, а великий воитель терпит назойливого безумца лишь из уважения к подвигу его покойного брата-близнеца.

Однако Лю Чжэньцин лишь мягко улыбнулся:

— Любезный, а тебе известна разница между простой лягушкой и жабой?

Нелепый вопрос заставил притихнуть и Жун Шимина, и всю толпу зевак. Лягушка... ну, она традиционно считалась поприятнее пупырчатой жабы.

— Обычная лягушка сидит на дне колодца, — весело пояснил Лю Чжэньцин. — Пялится в крохотный клочок неба, не видя ничего вокруг, да так и проживает свою никчемную жизнь. Но жаба... О, жаба — создание иного полета! У неё есть великая, дерзкая мечта — отведать нежного лебяжьего мяса!

Жун Шимин вытаращил глаза, намереваясь обозвать это несусветной чушью, но Лю Чжэньцин не дал ему вставить ни слова. Он резко повернулся и указал рукой на уходящую в облака Нефритовую колонну Свернувшегося Дракона:

— Поглядите туда! Были времена, когда в нашей империи лишь отпрыски знатных родов да богатых семей могли рассчитывать на службу во благо государства. Простым же людям вход в чиновничество был заказан. И когда безродные бедняки смели мечтать о сдаче императорских экзаменов и месте в золотых списках, всякий господин вроде вас кричал им в лицо: «Куда прете, безумцы! Жалкие жабы, возжелавшие лебяжьего мяса!» А что мы видим теперь? Благодаря великой реформе императорских экзаменов любой одаренный юноша, будь он хоть сыном нищего крестьянина, волен сдать императорские экзамены и послужить Великой Чжоу! И сколько таких целеустремленных «жаб» пробились к вершинам благодаря своему упорному труду?!

На дворе стояла весна, близилась пора Весенних императорских экзаменов, и среди зевак на площади было полно приехавших на экзамены молодых книжников. Хлесткие слова Лю Чжэньцина отозвались в их сердцах громом. Они переглядывались с горящими глазами,

внезапно осознав, что обидное прозвище «жаба» звучит теперь на удивление гордо и воодушевляюще.

— Так почему же стремиться к лучшему — это грех? — воскликнул Лю Чжэньцин. — Да, я — упрямая жаба, которая страстно желает дотянуться до прекрасного лебедя в лице генерала Хо! И пускай шансы малы, кто запретит мне пытаться?! А вдруг однажды мне всё-таки посчастливится отщипнуть кусочек?!

Лю Чжэньцин окинул взглядом онемевшую толпу, мысленно заходясь громовым хохотом, но на лице его не дрогнул ни один мускул — оно по-прежнему выражало лишь кристальную искренность и праведный пыл.

Внезапно из раскрытых дверей ресторана донеслись громкие рукоплескания и залиvistый смех. На порог шагнул рослый, статный молодой мужчина, чьи правильные черты лица дышали веселым высокомерием и легким бунтарством:

— Браво! Золотые слова!

Лю Чжэньцин удивленно вскинул брови. Стоявший подле него слуга взволнованно зашептал:

— Господин, это господин Хэ Лань из Парчовой стражи! Он названный брат генерала Хо!

Лю Чжэньцин на мгновение оцепенел. «Какое досадное совпадение. Слава предкам, хоть сам Эрдгоу сюда не появился».

Хэ Лань неторопливо спустился по ступеням:

— Мы ведь уже встречались, не так ли, молодой господин Лю? Так что не сочтите мои слова за попытку втереться в доверие.

«Стало быть, этот шутник подслушивал с самого начала», — подумал Лю Чжэньцин, находя дерзкого юношу весьма забавным.

— Хэ Лань! — воскликнул окончательно потерявший самообладание Жун Шимин. — Этот безумец несет несусветную околесицу, оскорбляет священные устои Весенних императорских экзаменов! Вы, как верный слуга императора из Парчовой стражи, обязаны призвать его к ответу!

Он свято верил, что Хэ Лань поддержит его. Ведь этот ничтожный Лю Сяочжу докучал названному брату стражника, да к тому же носил презируемую фамилию Лю. Жун Шимин в своей слепоте позабыл лишь об одном: при дворе его собственную персону жаловали ещё меньше.

— Отнюдь, — хмыкнул Хэ Лань. — Молодой господин Лю изрек чистую истину. Человек без великой цели в жизни — пустое место. И если ради достижения недостижимой вершины приходится примерить шкуру невзрачной жабы, то честь ему и хвала!

Сомнения толпы рассеялись без следа. Раз уж сам высокопоставленный офицер Парчовой стражи соглашался с доводами юноши, то простым зевакам и подавно не пристало спорить. На площади слышались одобрительные выкрики.

— К тому же, — с тонкой издевкой добавил Хэ Лань, скользнув взглядом по девице Цзян, — господин Лю совершенно прав. Его стремление заполучить самое лучшее свидетельствует об отменном вкусе, который превосходит предпочтения некоторых барышень в сотни и тысячи раз.

Лицо Цзян Цзыэр налилось багровым цветом. Жалкие оправдания застряли у нее в горле — теперь вся улица была свято уверена в её греховной связи с Жун Шимином. Девушка проклинала тот час, когда позволила этому чванливому глупцу ввязаться в перепалку с бывшим женихом. Поистине, сами себе могилу вырыли.

Но Жун Шимин, не умея вовремя остановиться, лишь пуще прежнего лез на рожон:

— В тысячи раз?! Ну и горазд же ты расписывать подвиги своего названного братца! Да будь этот твой Хо Фэнле хоть трижды героем на поле боя, он всё равно остается не более чем неотёсанным солдафоном! Обыкновенный мужлан с мечом!

Хэ Лань мгновенно посерьезнел, его глаза опасно блеснули. В толпе воцарилась гробовая тишина.

Не успел стражник вымолвить и слова, как Лю Чжэньцин, секунду назад беззаботно улыбавшийся, резко преобразился. Его голос зазвучал с леденящим величием.

— Мужлан с мечом? — Лю Чжэньцин смерил Жун Шимина презрительным взглядом.

Молодой барин упрямо вскинул подбородок, но Лю Чжэньцин прищурился, и его слова зазвучали подобно ударам плети:

— И этот самый «мужлан» в одиночку сдерживает полчища северных варваров, напор западных царств и коварство южных соседей — миллионы врагов, спящих и видящих гибель нашей империи! Не будь этого храбреца, кости изнеженного господина Жуна давно бы истолкли в пыль копыта неприятельской конницы!

Речь Лю Чжэньцина лилась плавно, но каждое слово разило наповал, словно отравленный клинок:

— Пользуясь благами мирной жизни, вы плюете в колодец, из которого пьете. Какая поразительная черная неблагодарность! Родители воспитали вас на редкость дурно. Или, быть может, подобному высокомерию вас обучила ваша царственная кузина?

Лю Чжэньцин никогда не прощал обид. Теперь он методично, слово за словом, возвращал долги.

— Впрочем, вряд ли Великая принцесса причастна к этому убожеству. Ведь сам государь повелел высечь имя нашего «солдафона» на Нефритовой колонне Свернувшегося Дракона! Скажите на милость, господин Жун, удостоитесь ли вы подобной чести хотя бы перед смертью?

Эти слова обрушились на Жун Шимина сокрушительным ударом, вколачивая его спесь глубоко в землю. Парень стоял ни жив ни мертв, бледный от позора. Цзян Цзыэр отчаянно озиралась по сторонам, мечтая провалиться сквозь землю.

Толпа удовлетворенно загудела. Называть прославленного Великого генерала, защитника государства, живого бога войны обыкновенным мужланом — верх глупости и неблагодарности. Слова заносчивого купца выразили общую ярость, а его изысканные издевательства привели народ в полный восторг.

Но Лю Чжэньцину этого показалось мало. Окинув взглядом ошарашенного Хэ Ланя и помертвевшего Жуна, он звонко рассмеялся:

— И всё же, господин Хэ, ваше сравнение грешит излишней скромностью. Разве можно говорить о каких-то «тысячах раз»? Генерал Хо превосходит этого господина в миллионы, в десятки миллионов раз!

У Хэ Ланя задержался уголок губ от столь безудержной лести. «Надо же, какой преданный почитатель выискался у нашего сухаря-Чжаньюаня!» Стражнику безумно хотелось узнать, до каких высот красноречия дойдет этот обновленный Лю Сяочжу. Подбоченясь, он весело поинтересовался:

— И в чём же это выражается?

— Наш любезный господин Жун изволил заявить, будто генерал смыслит лишь в размахивании клинком на коне. Но неужели он запомнил о трех фундаментальных трактатах по военному искусству, вышедших из-под пера генерала Хо?

Хо Фэнле славился своим непредсказуемым и гибким тактическим гением. Полководцы семьи Хо никогда не оглядывались на пыльные свитки древности, предпочитая ковать собственную науку побеждать в горниле реальных сражений. Их труды изучали не только воины — даже искушенные сановники искали в них мудрость для ведения придворных войн.

— Скажите, господин Жун, раз уж вы мните себя утонченным ученым мужем, быть может, вы тоже явили миру научный труд? Или хотя бы скромный сборник стихов?

— Боюсь, что нет, — развел руками Хэ Лань. — Насколько мне известно, молодой господин Жун сподобился лишь однажды явиться на императорские экзамены, да так и ушел несолоно хлебавши.

— Вот видите! — сокрушенно покачал головой Лю Чжэньцин. — А ведь если бы генерал Хо не был обременен защитой рубежей и посвятил себя исключительно изящной словесности, он, с его блестящим умом, давным-давно занял бы первое место на императорских экзаменах! Спросите почтенных наставников из Императорской академии, они подтвердят мои слова!

Слаженный дуэт превратил несчастного Жуна в посмешище. Бедняга дышал тяжело, а глаза его налились кровью от бессильной ярости.

— Наш воитель истинно одарен во всем, — ухмыльнулся Хэ Лань. — Ему нет равных ни в ратных делах, ни в науках.

Видя столь горячую поддержку, Лю Чжэньцин окончательно вошел во вкус:

— Да что там способности! Взгляните на его происхождение: род Хо из поколения в поколение верой и правдой служит трону, стяжав бессмертную славу. Много ли семей в столице сравнятся с ними величием? А его положение при дворе? Великий генерал, защитник государства! И ведь ему всего двадцать шесть лет! Никто из сверстников даже близко с ним не сравнится. А уж каков он собой! Статный, мужественный — от одного его взгляда у девиц сладко замирает сердце, а у мужей подкашиваются ноги! Кто бы не пожелал оказаться под надежной защитой такого мужчины? Сравнить его с господином Жуном — просто кощунство!

Излияния Лю Чжэньцина становились всё пламеннее. Стоявшие вокруг юноши и дамы стыдливо заливались румянцем, а у Хэ Ланя мелко подрагивали губы. «Ну и безумец... Вознес Чжаньюаня прямо на небеса!»

Самому же Лю Чжэньцину было глубоко плевать на приличия. Он твёрдо решил покинуть столицу в ближайшие дни, а потому мог городить всё, что душеньке угодно. Терять ему было решительно нечего!

— Мужчина, покоряющий женские сердца — обычное дело. Но истинный триумф — это когда пред твоим величием склоняются и мужи! Потому-то я и мечтаю стать той самой жабой, что дотянется до заветного лебедя. И уверяю вас, я далеко не единственный мужчина в столице, чье сердце трепещет при одном упоминании о генерале Хо!

Своей пламенной речью Лю Чжэньцин вознёс генерала Хо до заоблачных высот, втоптав Жун Шимина в придорожную грязь.

В головах собравшихся укоренилась единственная мысль: «А ведь парень прав! Разве можно ставить на одну доску ничтожного прихлебателя Жуна и великого героя Хо Фэнле? Они же создания совершенно разного полета! И стремление молодого господина Лю заполучить лучшее вполне естественно. А вот у девицы Цзян вкус явно уступает выбору её бывшего жениха».

Жун Шимин стоял посреди улицы, раздавленный собственным фиаско. Он шел сюда, дабы прилюдно смешать соперника с грязью, а вместо этого оказался безжалостно растоптан сам. От пережитого позора его разум окончательно помутился.

Но в тот самый миг, когда Лю Чжэньцин уже мысленно праздновал триумф, Хэ Лань больше не смог сдерживаться. Запрокинув голову, он оглушительно расхохотался, а затем крикнул, глядя на раскрытое окно второго этажа ресторана:

— Чжаньюань! Ты всё слышал?! Видит небо, нам, твоим верным побратимам, далеко до проницательности господина Лю! Он знает тебя куда лучше нас!

Толпа как один устремила взоры к небесам. Там, у раскрытой оконной рамы на втором этаже, действительно возвышался массивный, неподвижный силуэт. Взгляд темных, глубоких глаз генерала тяжело давил на собравшихся внизу людей.

Казалось, ледяное дыхание этого взгляда мгновенно сковало площадь безмолвием.

Лю Чжэньцин медленно поднял голову. Встретившись со взором этих холодных, точно вороненая сталь, глаз, он почувствовал, как мысли в его голове мгновенно рассыпались прахом.

«Предки милосердные... Эрдгоу подкрался незаметно... И именно сейчас?!»

Однако, когда чувство стыда достигает своего апогея, разум порой совершает удивительный кульбит. «В конце концов, какая разница? — отчаянно подумал Лю Чжэньцин. — Завтра же убираюсь из этого проклятого города! Терять уже точно нечего!»

Отбросив последние сомнения, Лю Чжэньцин вызывающе улыбнулся застывшему у окна воителю. В его прищуренных янтарных глазах, залитых ярким весенним солнцем, заплясали лукавые и дерзкие огоньки. В этот миг он походил на кота, замыслившего очередную шалость. Этот дерзкий, проницательный взгляд был настолько знакомым, что у Хо Фэнле на мгновение перехватило дыхание.

Окончательно потерявший стыд Лю Чжэньцин упрямо ткнул пальцем вверх, прямо в сторону генерала, и зычно прокричал толпе:

— Ну поглядите же сами! Разве я преувеличил хоть на йоту?! Мужики от одного его вида

лишаются сил, а девы — покоя! С первого же взгляда ясно, что он превосходит иных господ в бесчисленное множество раз! Ну разве можно остаться равнодушным к такому завидному жениху?! Неужели никому из вас не хочется ухватить столь лакомый кусочек? Подумайте если не о себе, то хотя бы о счастье своих сестер!

— А коли господин Жун не согласен с моими словами, пусть поднимется наверх и лично померится силами с генералом! Да и девице Цзян не мешало бы разуть глаза! Кто во всей Великой Чжоу сравнится с генералом Хо? С кем еще мечтать о брачном союзе? Ежели и идти под венец, то только с генералом Хо!

Лю Чжэньцин: «Прости уж, Эрдгоу, не поминай лихом».

Хо Фэнле: «...»

Цинь Юй, мирно отпивавший вино напротив генерала: — Пф-ф-ф!..

Хэ Лань: — Ха-ха-ха!

Жун Шимин и Цзян Цзыэр: «Да как всё вообще обернулось против нас?!»

Толпа: «Раньше генерал Хо казался нам слишком грозным и неприступным... А теперь подумать только — до чего же завидная партия!»

<http://bllate.org/book/20542/2131027>